

7. А.А. Романов

Тверская государственная сельскохозяйственная академия, г. Тверь

7. A.A. Romanov

Tver state agricultural Academy, Tver

О ДВУХ ПОДХОДАХ В ОПИСАНИИ ТЕЛЕСНОГО БЫТИЯ

TWO APPROACHES IN THE DESCRIPTION OF THE CORPOREAL BEING

Ключевые слова: карта человеческого тела, вербальное / невербальное взаимодействие, топонома, телесность, габитус

Keywords: map of corporal existence, verbal / nonverbal interaction, toponoma, corporality, habitus

Предложенное исследование посвящено описанию феномена телесности и его содержания. При этом феномен человеческого тела рассматривается как духовно-материальное единство и, по мнению автора, является центральным для построения философского мировоззрения. Принцип целостности (холизма) в интерпретации и понимании природы телесности человека является основополагающим для описания ее роли и содержания в социальной интеракции. Семантическое описание параметров телесности может быть получено только на базе комплекса составляющих «языка тела» (тело – телесность – габитус).

The proposed research contains description of the phenomenon of corporeality and its maintenance. Thus the phenomenon of human body is considered as spiritual and material unity and is to be regarded as central in philosophical outlook constructing. The integrity principle (holism) in interpretation and understanding of the nature of corporeality is fundamental for the description of its role and maintenance in social interactions. The semantic description of corporeality parameters can be obtained only on the basis of the complex of «body language» components (body – corporeality – habitus).

Как известно, слово «телесность» появилось в словарях русского языка в первой половине XX века. Вначале оно появилось у И.А. Бодуэна де Куртенэ, а затем было упомянуто в словарях Д.Н. Ушакова и С.И. Ожегова. Примечательно, что в «Толковом словаре живого великорусского языка» Вл. Даля статья «тело» не выделялась, так как была представлена статья «плоть», в которой плоть отождествлялась с понятием «тело животного и человека; все вещество, из коего состоит животное тело...».

Вводя словарную статью «тело», Д.Н. Ушаков и С.И. Ожегов выделили прилагательное «телесный», которое означало «принадлежащий организму, телу... земной, материальный, в противоположность духовному», что позволило из прилагательного «телесный» образовать производное от него существительное «телесность». Однако примечательным является тот факт,

что в упомянутых словарях отсутствует толкование существительного «телесность». Поэтому слово «телесность», несмотря на определенную пометку (см., например: Ожегов, 1990: 790), и сегодня воспринимается в старом значении, которое эквивалентно «тварности». В этом плане «телесность» как «тварность», в отличие от духовности, означает, что телесностью обладает «каждая тварь». В этой связи можно предположить, что выделенные понятия «тело – телесный – телесность» являются рядоположенными *понятиями, означающими материальный объект, сосуществующий с духом, но духовностью не обладающий*: ср.: «телесность – перен. Земной, материальный, в противоп. духовному» (Ожегов, 1990: 790). Однако совершенно очевидно, что выделенных параметров недостаточно, чтобы только на основании приведенных характеристик понятий «тело – телесный – телесность» их можно было бы ставить в один ряд.

Известно, что рационалистическая традиция противопоставления «человека телесного» и «человека духовного» если не постоянно, то достаточно часто воспроизводится в современной практике жизнедеятельности субъекта, в том числе в различных социальных институтах (в семье, системе образования и воспитания, армии и т.д.), которые закрепляют и продолжают эту традицию. Так, широкое распространение получила практика, когда телесные качества человека выступают (рассматриваются) в качестве объекта воздействия сепаратно, т.е. сами по себе, а интеллектуальные, духовные качества, когнитивные (такие как – сенсорные и перцептивные эталоны, образы, схемы, символы, значения) и интимно-личностные (потребности, мотивы, цели, смыслы и т. п.) компоненты – сами по себе, без какого-либо серьезного сопряжения их между собой. И результатом такой практики разделения является, с одной стороны, широко распространенный «телесный негативизм», реализующийся в недоверии к телесному опыту, равнодушию к собственному здоровью, а с другой стороны, – соматизация человека, возведение в абсолют его «мышечно-мышечных» достоинств.

Совершенно очевидно, что и первый и второй подходы имеют единую основу – априорное исключение телесного бытия человека из социокультурного пространства жизнедеятельности субъекта, размещение телесно-духовных характеристик человека за рамками процесса культурной социализации, за пределы психологического пространства личности, определяемого границами локально-пространственных отношений. При этом становится очевидной тенденция устойчивого закрепления такой позиции в сложившейся системе различного рода институтов образования, воспитания, здравоохранения, бизнеса. Причем сходная картина наблюдается даже и в тех областях жизнедеятельности, где телесность ее субъекта является по самой их сути далеко не периферийной, например, в медицине, физкультуре, спорте.

Наблюдающаяся устойчивость тенденции обозначенного разъединения телесности и духовного мира личности, ее психологического пространства и культуры, разведение «внутреннего» мира человека и его внешней данности

(манифестационности, явленности, корпулентности) влечет за собой, наряду с проблемой отсутствия подлинной культуры здоровья, целый ряд иных, не менее важных психосоциальных проблемы, таких, например, как формирование «одномерной», «частичной» личности, у которой «голова» («душа») и тело находятся в дисбалансе. Более того, представляется, что отсутствие телесной культуры является одним из проявлений «ущербности» культурного развития личности в целом, предполагающего в качестве одного из базовых принципов воспроизводство целостности человека, сопряженности его оснований и начал.

Поэтому можно констатировать, что сложившееся на протяжении длительного времени отождествление понятие «личности» исключительно с «внутренними» характеристиками человека – интеллектуально-психическими, нравственными и т.д., их противопоставленность телесным атрибутам влечет за собой порождение целого ряда следствий как теоретического, так и практического характера. Правда, справедливости ради, нельзя не отметить значительного оживления в последнее время широкого интереса к проблемам телесного бытия человека как на уровне обыденного сознания, массовых форм социокультурной практики, например, рекламной, так и в гуманитарном познании (см.: Джерджен, 2003; Лабунская, 1986; Матурана, Варела, 2001; Петренко, 1997; Подорога, 1995; Прохоров, 2005; Режабек, 2006; Романов, Сорокин, 2004; Тхостов, 2002; Шилков, 2003; Штангль, 1991 и др.).

Очевидно, что такое положение дел обусловлено отмеченной выше неадекватностью уровня развития философско-антропологического, когнитивного знания реальному месту и роли тела и телесности в целом в жизнедеятельности человека и новыми обстоятельствами общественного развития.

По всей вероятности, о стремлении преодолеть обозначенную неадекватность свидетельствует значительный рост интереса к феномену человеческого тела, обусловленный, прежде всего нерешенностью целого ряда социальных по своей сути проблем и вопросов, а именно:

- *обострение проблемы здоровья*, в том числе и *психического*. Проблема комплексного здоровья наиболее актуально для условий жизни в крупных городах. Повышенная нервозность, психические расстройства, сердечно-сосудистые, аллергические, астматические заболевания, наркологическая и алкогольная зависимость и др. уже давно стали повседневными спутниками урбанизации (см.: Решетников, 2000; Романов, Немец, Романова, 2006; Романов, Романова, 2006);

- *осознание ценности человеческой индивидуальности* в современном мире и обостренное восприятие всего, что связано с личностным самовыражением, а тело, как известно, является одним из таких средств;

- *повышение значимости проблем сексуального поведения и сексуальной культуры в условиях современной цивилизации*. По свидетельству исследователей, эротизм уже давно перестал быть элементом частной жизни, «личным делом». Через средства массовой информации, рекламу он

становится навязчивым и агрессивным (ср.: Романов, Черепанова, Ходырев, 1996; Ясавеева, 2004; Михайлова, 2006), что неизбежно влечет за собой не только проблемы личного здоровья, но и глобальные социальные проблемы: затрудненность и даже невозможность межличностной коммуникации, разрушение института семьи, падение рождаемости и др.;

- *активизация* феминистского движения, заострившего проблему тела и его эксплуатации, прогресс в медицине, контроль над рождаемостью, а также другие достижения и успехи цивилизации, что в целом призвано освободить женщину от зависимости от собственного тела, что, по мнению сторонников феминизма, и является одной из форм ее освобождения в целом;

- *проблемы биоэтики*, затрагивающие вопросы, связанные с эвтаназией, репродуктивными технологиями, абортами, клонированием, трансплантацией органов, медицинским законодательством;

- *приобретение телом* в условиях современной цивилизации *особого смысла как носителя символической ценности*, в частности, появление социальных групп и молодежных образований, таких как байкеры, гомосексуалисты, диггеры, нудисты, панки, рейперы, роллеры, скинхеды, скейтбордисты и др. стремящихся к утверждению своего статуса и внешней атрибутики в массовом сознании; ср. точку зрения П. Бурдьё (1995: 73) по этому поводу: «Первое, что позволяет мне типологизировать человека как хиппи, бизнесмена, французского интеллектуала, «простого» крестьянина и т. д., это его телесность, способ, которым он движется в пространстве, способ, которым он держит свое тело».

- *повышенная значимость* социального потребления вопросов имиджа, как умения представить себя потребителю в широком смысле (покупателю, работодателю, избирателю) в соответствующем состоянии здоровья духа и тела: рекламный бизнес, мода, бодибилдинг, бодиарт, фитнесцентры и др.);

В специальной литературе отмечается, что существенное значение для формирования философского и социо-психологического представления человека о своем теле и продвижения этих идей в обозначенной предметной области имеют исследования психологического и психоаналитического характера (А.Н. Леонтьев, З. Фрейд, Ж. Лакан, Ж. Батай, М. Фуко), связанные с проблемой формирования образа физического «я» человека в структуре его самосознания и самооценки, проблемой «телесность и культура».

Примечательно, что в рамках современного изучения человеческой телесности сложилось два принципиальных подхода, связанные с разведением постановки вопроса о теле как о «феномене, являющемся проблемой самой по себе», как самостоятельном базовом объекте исследования. Для феноменологического подхода и рассмотрение телесности в системе социальных функций характерно решение социально-детерминированных задач, предписываемых индивиду и его телу.

Анализ специальной литературы показал, что представления человека о своем теле формируются в зависимости от того, в какой «системе координат» рассматривается человек – в холистической или дихотомической

и трактуется ли тело человека как равноправный элемент в единой системе с другими атрибутами человеческого бытия или же утверждается отделенность, выделенность, обособленность (сепаратность) тела. При этом отмечается, что в исследованиях проблемы телесности человека преобладает дихотомический подход, реализующийся, главным образом, через бинарные понятийные пары: социальное – биологическое, общественное – природное.

Холистический подход к пониманию человека и его тела представлены в работах представителей *философской антропологии* (М. Шелера, Г. Плеснера, А. Гелена, К. Уилбера), в *философско-антропологических исследованиях* (Э. Агацци, А.С. Эспиноза), а также в исследованиях *по этологии* (К. Лоренс), *социальной антропологии* (М. Мосс, П. Бурдьё), *структурной антропологии* (К. Леви-Стросс), *философии жизни* (В. Дильтей, А. Бергсон, Ф. Ницше), *экзистенциализма* (Н. Бердяева, Г. Марсель, Н. Аббаньяно), а также в трудах современных отечественных мыслителей Ф. Гиренка, В. Подороги, Л. П. Киященко, П.Д. Тищенко, А.Ш. Тхостова.

В исследованиях по философской антропологии, связанных с критическим анализом зарубежных концепций, проблема телесности человека заняла определенное место в трудах Б.Т. Григорьяна, П.С. Гуревича, В.А. Подороги, Б.В. Маркова и др., в работах, связанных с изучением деятельной сущности человека Г.С. Батищева, Л.П. Буевой, Л.В. Жарова, В.С. Степина, а также в трудах (см., например, работы В.М. Розина) по целостному изучению человека.

Существенное значение для выявления специфики содержания понятий тела, телесности и габитуса имеют исследования психологического (А.Н. Леонтьев) и психоаналитического характера (З. Фрейд, Ж. Лакан, Ж. Батай, М. Фуко), связанные с проблемой формирования образа физического «я» человека в структуре его самосознания и самооценки, проблемой «телесность и культура». Эти вопросы достаточно плодотворно разрабатываются во многих специальных исследованиях и достаточно хорошо освещены в литературе (С. Зимовец, Б.Ф. Поршнев, Г.М. Андреева, Н.Н. Богомолова, Л.А. Петровская, Л.П. Гримак, В.М. Лейбин и др.).

Таким образом, проблема соотношения социально-психологического и биологического в человеке, достаточно плодотворно разрабатываемая отечественными исследователями (В.С. Степин, В.И. Свинцов, М.С. Каган, Е.В. Брызгалина, П.Д. Тищенко, А.Ф. Шикун и др.), не только связана, но и в значительной степени пересекается по своему содержанию с проблемой тела в философской антропологии. Однако именно как одно из направлений, связанное, прежде всего, с изучением непосредственного влияния социальных факторов на тело человека, и влияния биологических факторов на социальное поведение человека, оно не может быть отождествлено со всей сферой философско-антропологического осмысления человеческого тела. Поэтому исходными, следовательно, и основными моментами, на которые опирается предлагаемое описание феномена телесности и его содержания, являются следующие:

- феномен человеческого тела рассматривается как духовно-материальное единство и является центральным для построения философского мировоззрения;

- принцип целостности (принцип холизма) в интерпретации и понимании природы телесности человека является основополагающим для описания ее роли и содержания в социальной интеракции, реализация которого открывает перспективу для построения философского мировоззрения и специфики поведения субъекта жизнедеятельности.

Тело. Телесность. Габитус Общая характеристика понятий

Примечательно, что в исследованиях корпоральности, телесного бытия в последнюю четверть XX века было отмечено появление нового этапа в описании характеристик обозначенных параметров. Было установлено, что телесность не вполне идентична телу, что она «шире» и «больше» тела, а в телесно-метафорических проявлениях способна выражать психологические проблемы человека. Так, например, в своей работе «Феноменология восприятия» М. Мерло-Понти (1999) обращается к введенному ранее Э. Гуссерлем различию между «физическим телом (Körper)» и «телом-телесностью, моим телом (Leib)».

В то же время выяснилось, что, несмотря на современный уровень знаний о теле и психологии человека, сама сущность телесности (корпоральности) до сих пор прояснена не в полной мере. Возможно, по этой причине трудно найти не только развернутого определения понятия «телесности» в энциклопедических изданиях, но и, как было показано выше, краткого (достаточно непротиворечивого) описания рассматриваемого феномена в различного рода словарях.

Поэтому при описании характеристик параметров телесности целесообразно обозначить если не границы, то, по крайней мере, поле, территорию, систему координат отелесненного пространства, четче прояснить ее происхождение и специфику, выделить дистинктивно значимые (с точки зрения семантики) признаки, позволяющие ее дифференцировать. При этом следует отдавать себе отчет в том, что, описывая пространство телесности, ее формы восприятия и проявления в виде существования некоей ядерной конфигурации, практически невозможно опираться только на одну область знания о жизнедеятельности человека или группу родственных областей. Полная картина описания параметров телесности (корпоральности) может быть получена только на базе комплекса междисциплинарных исследований, или «интегральных идей», по К. Уилберу (2005: 76), объединенных рамками одной концепцией.

1. Тело

Тело (слав. tьlo; лат. tellus – основа, почва, земля), по свидетельству словарных описаний, является вполне материальным объектом, поскольку одним из важнейших условий образования механизмов, формирующих

телесность, являются свойства биологического организма человека и особенности формы тела человека (Романов, 2004; Varela, 1979). Тело человека, как отмечают У. Матурана и Ф. Варела, представляет собой живую, открытую, оптимально функционирующую сложнейшую, саморегулирующуюся и самообновляющуюся биологическую систему с присущими ей принципами самосохранения и приспособляемости. Оно является единством различных множеств, потому что определенные органы и системы органов зарождаются в эмбриональный период из конкретного зародышевого листка. А в развитии человека, как известно, эмбриональный период является критическим, так как эмбрион особенно подвержен влиянию различных факторов среды и зависит от состояния материнского организма. Поэтому и ранние, и более поздние нарушения в работе одного органа или какой-либо системы органов, по мнению представителей *аутопоэзиса*, отражаются, прежде всего, на функционировании тех органов или систем, которые находятся с ними в наиболее тесной, «родственной» связи.

Система «тело» не является исключением в этом ряду, так как находится во взаимодействии с окружающей средой и нуждается в постоянном обмене энергией (веществами) с ней. Этот обмен возможен благодаря постоянному влиянию раздражителей внешней и внутренней среды. Они всегда являются новой информацией для организма и перерабатываются его нейро-гуморальной системой. Раздражители воздействуют на параметры организма, которые сложились до данного воздействия. Поэтому характер переработки информации зависит от характера той информации, которая записана к этому моменту в аппарате памяти системы регуляции (Матурана, 1995: 95-97; Матурана, Варела, 2001; Назарчук, 2008; Черчланд, 2008; Varela, 1979).

Тело является одним из важнейших условий образования механизмов, формирующих корпоральность в ее телесности или телесном проявлении. Признание этого факта можно считать основополагающим фактором в образовании индивидуальных особенностей телесности, сформировавшийся в ранний период биологических форм жизни. Другим, не менее важным и значимым фактором, по наблюдению Е.Э. Газаровой, является соответствие (конгруэнтность)/несоответствие (неконгруэнтность) текущего состояния организма и объективной ситуации, в которой этот организм находится в данный момент. Так, например, конгруэнтность «состояние – ситуация» была очень высокой у *Homo sapiens* (100-40 тыс. лет назад), поскольку основной целью древнего человека была адаптация к реальным условиям. И три базовых фактора развития, к которым относятся *стремление к жизни* (страх смерти), *реальное наличие опасности* и *простые мотивы и установки* древнего человека, направляли работу его тела. Стресс был естественного происхождения и потому вызывал активную работу организма, увеличивал его возможности и способствовал совершенствованию формы. У тела наших далеких предков было еще много общего с животным телом на фоне ряда биопсихических преимуществ. Так,

развитые, как у животных, рецепторный аппарат органов чувств/кожи и важнейшие подкорковые образования мозга, дополнялись гораздо более развитыми, чем у животных, теменными и лобными отделами коры мозга. Особенно важно, что у человека того времени была уже достаточно развита верхняя лобная доля коры, отвечающая за контроль эмоций. Программирующая и контролирующая функции сознания были тогда еще в «нежном возрасте», что, однако, не мешало им способствовать выживанию и формированию новых навыков человека. В то же время, древний человек уже формировал *отношение* к жизни через *переживание* смерти: мертвое (неподвижное) тело соплеменника вызывало ужас. Таким образом, конгруэнтность обеспечивалась простыми мотивами и установками, а реализовалась сложноорганизованными, «животно-человеческими», процессами чувственного познания: глубокое целенаправленное «животное» внимание, руководимое «человеческими», хоть и примитивными, целями, задачами и переживаниями, приводило к *эффекту синхронизации*, который создавал ощущение идентичности с наблюдаемым явлением или объектом. Иными словами, налицо равенство в ощущениях между наблюдаемым явлением/объектом и интериоризированным образом этого явления/объекта. А характерные для явления или объекта движения вызывали переживания через микродвижения тела человека (Матурана, Варела, 2001; Харре, 2006; Varela, 1979; 1997).

Пытаясь анализировать феномен тела в когнитивистике с вербо- и психосоматических позиций, следует иметь в виду, что в предлагаемом ракурсе анализа *тело* рассматривается с учетом позиций «интегрального сознания», по К. Уилберу, как биологический и физиологический (сома-биологический: см.: Романов, Сорокин, 2004) организм (естественно-научный взгляд) с учетом эстетико-социальных и практических свойств или параметров (обыденное понимание тела), когда с понятием «интегральный» (также: «холический») связывают задачу свести воедино материю, телесность, ум, душу и дух, т.е. «преодолеть всю великую раздробленность бытия», где «физика занята материей, биология – живой телесностью, психология – душой, богословие – духом, а мистика – непосредственным духовным опытом; поэтому интегральное понимание действительности призвано охватить физику, биологию, психологию, богословие и мистику» (Уилбер, 2005: 73).

Следует подчеркнуть тот факт, что на интегральную основу подобной взаимосвязи (единения) тела и души указывал еще Лейбниц, отмечая, что «...хотя я и не признаю, чтобы душа могла изменять законы тела или тело могло изменять законы души, и я ввел предустановленную гармонию, чтобы избежать этого изменения, тем не менее я допускаю *действительно единение между душой и телом, составляющее их основу*. Это единение есть метафизическое, в то время как единение через влияние есть физическое» (Лейбниц, 1989; курсив – А.Р.).

Упомянув в этом ряду взаимосвязь тела и души, важно иметь в виду, что в психо-соматическом направлении рассматривается не только и не

столько само тело, а определенные изменения сознания, связанного с телом, например нарушение схемы, границ или ощущений тела (см.: Бродецкий, 2000; Тхостов, 2002). В этой связи А. Лоуэн (1999) отмечал, что «человек переживает реальность мира только через собственное тело. Воздействие внешней среды связано с ее влиянием на тело и ощущения».

Границы тела человека как когнитивного агента могут определяться центром его воображаемой окружности. «Каждый человек, подчеркивал С.М. Волконский (1913), есть как бы центр воображаемой окружности. Он *мыслит* или *от себя*, или *по отношению к себе*. Он сам – *отправная точка* всех своих проявлений и *конечная точка* всех своих восприятий. Или от центра к окружности, или от окружности к центру, – другого направления нет ни в физической, ни в душевной, ни в умственной деятельности человека. Между этих двух деятельных состояний есть третье, – спокойное равновесие, *сосредоточение центра в самом себе*», или, иначе говоря, в общей конфигурации тела, в его «телесной схеме», которая есть осознаваемая (концептуальная) граница его объемности (объема тела), в «телесном вместилище, включающем концепт границы, разделяющей *внутреннее* и *внешнее* по базовому разграничению между В (IN) и ИЗ (AUT)», в терминологии М. Джонсона (см. подробнее: Лакофф, 1995: 169), в «ядерной форме существования; ядерной схеме тела», по А.Ш. Тхостову (2002: 50), когнитивного агента.

Объем такой воображаемой окружности человека телесного (*homo tulle*) может, например, определяться «принципами поведения человеческого тела», его «распростертостью» (термины М.К. Мамардашвили) в направлениях к себе и от себя или В и ИЗ. Полемизируя в своих лекциях с Марселем Прустом по поводу метафизики его прозы, М.К. Мамардашвили так интерпретирует принцип поведения человеческого тела: «... мы предполагаем, что событие содержится в моменте и времени и пространстве. Увы, это существенно растянуто на всех точках пространства и времени, которые оно когда-либо занимало и которые будет занимать». А я добавлю: *и которые мы не можем охватить, и уже во всяком случае не охватим тем взглядом, который охватил распростертую перед нами фигуру*. Если мы не вступаем в контакт с той точкой пространства, в которой действительно распростерто тело. Ибо *тело* распростерто во всех точках, которые оно занимало в прошлом и будет занимать в будущем, и если я не вступаю с ним в контакт, то я не имею этого тела, не обладаю им ... *тело распростерто*, событие тела происходит не в той точке, которую ты видишь, а гораздо шире, и не уменьшается в этой точке...» (Мамардашвили, 1995: 282-283; курсив – А.Р.).

Поэтому проекция направленности движения тела, обладающей содержательными характеристиками значимого местоположения (системой топонимом определения/нахождения тела: Романов, 2004: 17-22), его «распростертость» в той или иной пространственно-временной конфигурации (с учетом контакта в пределах объема континуума значимых

топоном) может способствовать раскрытию (фиксированию) механизмов концептуализации познавательной деятельности когнитивного агента.

Тело в обыденных доксических отношениях, отмечает М. Генкова (2000), мыслится как природный язык, поэтому без вопросов принимается, что тело наиболее адекватно выражает скрытую сущность человека, его «душу». Но в естественности тела кроется секрет его культурной сформированности. *Тело говорит на языке социальной идентичности* (которая принимается как данная по природе, т. е. *тело является натурализованной социальностью*). В нем закодированы *социальные знаки*. О социальной значимости знаковости тела Пьер Бурдьё говорит следующее: «Когда свойства и движения тела социально квалифицированы – самые фундаментальные социальные выборы натурализованы, и тело с его свойствами и движениями сконструировано как аналогичный оператор, представляющий все виды практических эквивалентов среди различных делений социального мира – разделений половых, по возрастным группам и между социальными классами, – или, точнее, разделений между смыслами и ценностями, ассоциированных с индивидами, которые практически занимают эквивалентные позиции в пространствах, определенных посредством этих различий» (Бурдьё, 1995: 71).

Через тело, отмечает П. Бурдьё, действуют практические схемы, «принципы видения и разделения», «принципы, устанавливающие порядок в действии», которые являются продуктами поля, застывшими эксплицитными нормами, оформляющими психическое и физическое поведение и уходящими далеко за пределы осознанного. Но так же действует и своего рода телесное мышление, обладающее практической верой и в силу этого способностью действовать в мире и по отношению к миру. «*Тело*, – говорит П. Бурдьё, – *верит в то, во что играет*». Оно не представляет то, что исполняет, оно не вспоминает прошлое, оно играет прошлое, возвращая его обратно в жизнь. То, что «научено через тело», не есть нечто, которое некто имеет как знание, которое может быть жестикულიровано, а есть нечто, которое есть сам индивидум (Бурдьё, 1995: 73). Знание вещей через тело, по мнению Пьера Бурдьё, предполагает отложение определенного типа очевидностей, которые делают возможным, чтобы тело видело, понимало и чувствовало. Эти допредикатные очевидности – как очевидности самого мышления и как условия его предикации – показывают, «что в самой спонтанности акта предикатного суждения уже сняты (в не-гегелевском смысле) формы рецептивности» (Бурдьё, 1995: 68; 2001).

Итак, очевидно, что тело является «полем» символических приложений, на котором реализуются различные дисциплинарные стратегии и где имплицитно заложены (и предписаны) жесткие директивы – *чтобы оно было усвоено и присвоено, чтобы оно было полезным и умеющим* – именно потому, что «*тело*, – по мнению П. Бурдьё (1995: 71) – *функционирует как язык, скорее говорящий о человеке, нежели как язык, на котором говорит человек; это язык природы*, в котором раскрывается самое скрытое и в то же время самое истинное, потому что **тело – это самое бесконтрольное и**

неконтролируемое сознательное, это язык, который заражает и сверхдетерминирует своими воспринятыми и невоспринятыми посланиями все интенциональные выражения, начиная с речи».

2. Телесность

Первая антропология тела в истории этнографии была, по мнению М. Генковой, открыта в семидесятых годах 20 века, в результате использования такого термина как «ощущение» в социологии и этнографии (Генкова, 2000). И хотя, начиная с 70-х годов, наибольшее внимание в исследованиях уделялось телу как таковому, все же тело чаще всего рассматривалось каким оно есть (т.е. как физический объект). Однако наиболее точно оно определялось в феноменологическом подходе с позиций «живого тела», чем тело как «объект» изучения. В этом подходе была обозначена новая методологическая основа комплексного исследования тела.

В то время как антропологических и междисциплинарных работах отстаивалось строгое предубеждение по поводу тела как «объекта» изучения, даже с учетом ссылок на «семиотику» тела, антрополог Томас Чордас (Csordas, 1988; 1993) предложил *феноменологическую теорию телесности* (embodiment), которую можно использовать как дополнение к семиотическому подходу в исследовании такого объекта как тело.

Т. Чордас предложил провести практическое отличие между *телом* и *телесностью*, основывая свое разграничение на параллели с описанным Роланом Бартом отличием между текстом и трудом (the work). По Р. Барту «тело» можно рассматривать как «труд». С этих позиций, например, «книга», как материальный объект, может находиться в книжном шкафу, тогда как *телесность* является «текстом», т.е. она является тем, что остается внутри неопределяемой области дискурса, «переживаемое только как деятельность и создание». И тогда «работа» (тело) в рамках визуального искусства может являться объектом, висящим на стене, в то время как «искусство» (телесность) существует только, когда кто-либо смотрит на него (иначе говоря, когда есть субъектно-объектные отношения). Как и «искусство» *телесность* можно определить как *дискурс* или *опыт*, открытый неопределенным возможностям.

Если продолжить аналогию отличий «телесности» от «тела», по Т. Чордасу, в контексте исследования движения, то можно было бы назвать «тело» биологическим или биомеханическим аспектом чьего-либо существования, а «движение» могло бы представлять область интерактивной методологии, взаимодействий, взаимоотношений, намерений, неопределенности. С этих позиций «движение» в ходе наблюдения за движением может быть понято через «телесность». В этом плане такая корреляция сходна с замечанием Мориса Мерло-Понти об «ощущениях и практике» (Мерло-Понти, 1993: 137).

Придерживаясь методологических позиций феноменологии, можно сказать, что «движение», которое мы осуществляем, случается внутри неясного (ambiguous) положения субъекта/объекта, где различия между «Я»

и «оно» размыты, в то время, как «телесное» описание движения происходит для человека как для наблюдателя как конечный продукт его рефлексивного мышления.

Томас Чордас замечает, что противостояние между понятиями «семиотическое» тело и «феноменологическое» тело (тело и телесность, или «работа» и «текст») наблюдается как в теории, так и в исследовании. Выявленное противостояние свидетельствует о том, что этот дисбаланс обуславливает необходимость «расширить область методологии на телесность» (Csordas, 1993: 137).

Как лидер антропологического направления в исследовании тела и телесности, Т. Чордас отмечает в плане дальнейших разработок методологических перспектив, что существуют «*телесно ощущаемые схемы и психологические функции*» в отношениях «Я – другие» (Csordas, 1988). При этом особое внимание он уделяет разработке проблемы движения от восприятия как индивидуального телесного процесса к коллективному телесному вниманию – или *к сознанию воплощенной интерсубъективности*, которому он дает название «*соматический тип внимания*». Автор отмечает, что этот процесс переживания случается в том месте, где наше бытие встречается с тем, что мы принесли в свое существо через внимание. В этом процессе человек одновременно уделяет внимание **телом и телу**, полагая, что «*прислушиваться к телесным ощущениям – значит прислушиваться к положению тела в мире...* Внимание к своему телу, может нам сказать что-то о мире и о тех, кто окружает нас» (Csordas, 1993: 138-139, также: Csordas, 1988).

В соматическом типе внимания, человек может воспринимать тела других также, как он ощущает свое собственное тело. Томас Чордас доказывает, что *в области анализа перспектива телесности как таковой способствует аналитическому инсайту*, или, по крайней мере, служит более глубокому пониманию. В соматическом типе внимания, объясняет он, появляется «де-центрированный анализ» и отсутствие предпочтений, ибо «все категории находятся в постоянном движении между «субъективностью» и «объективностью (там же, с. 146).

Так в чем же конкретно заключается отличие телесности от тела и что такое телесность в отличие от тела? На первый взгляд может показаться, что налицо подмена слов или факт проявления путаницы в сходных словах, а не различие двух разных понятий – «тела» и «телесности».

Говоря о теле с естественно-научных или эстетических позиций, обычно имеют в виду тело как биологический и физиологический организм, а с практических позиций – обыденное понимание тела. Однако в психологии объектом исследования выступает не само тело как объективный феномен, а рассматриваются **определенные изменения сознания**, связанного с телом, например: нарушение схемы, границ или ощущений тела. При этом отмечается, что уникальные системы соответствий индивидов, пронизанные уникальными ассоциациями и смыслами, выражаются в едином, наблюдаемом и переживаемом, «продукте», именуемым «**телесностью**».

В этом плане **телесность** человека не тождественна *телу* (соме-биологическому организму), его свойствам и качествам. *Телесность* представляет собой *качество, силу и знак телесных реакций человека*, формирующихся с момента зачатия в процессе всей жизни. *Она не является продуктом одного лишь тела*. Телесность являет собой реальность как результат деятельности триединой природы человека, и потому *телесность* – «дочерний» (производный или вторичный) феномен.

Телесность образуется в контексте генотипа, половой принадлежности и уникальных биопсихических особенностей индивидуума в процессе его адаптации и самореализации. Основой формирования телесности является единая память. *Телесность* проявляется как процесс в форме тела через характерные движения, позы, осанку, дыхание, ритмы, темпы, температуру, «протекаемость», запах и звучание.

Телесность, по мнению психологов, изменяема. Но в отличие от тела, которое лишь растет и затем стареет, ее характер меняется в соответствии со знаком телесно-чувственных процессов. Эти изменения не идентичны процессам развития, взросления или старения, но перечисленные процессы влияют на нее и в ней проявляются. Поскольку ее формирование зависит от внешних и внутренних условий, то значительные изменения этих условий влекут за собой изменения телесности человека. На состоянии телесности отражаются мотивации, установки и, в целом, система смыслов индивидуума, поэтому **она хранит обобщенное знание человека и представляет собой материальный, видимый аспект души (психе)**.

Телесность изменяема: характер ее меняется в соответствии со знаком телесно-чувственных процессов. Эти изменения не идентичны процессам развития, взросления или старения, но перечисленные процессы влияют на нее и в ней проявляются. Поскольку ее формирование зависит от внешних и внутренних условий, то значительные изменения этих условий влекут за собой изменения телесности человека. На состоянии телесности отражаются мотивации, установки и, в целом, система смыслов индивидуума, поэтому она хранит обобщенное знание человека и представляет собой материальный, видимый аспект души (психе).

Телесность изменяема: характер ее меняется в соответствии со знаком телесно-чувственных процессов. Эти изменения не идентичны процессам развития, взросления или старения, но перечисленные процессы влияют на нее и в ней проявляются. Поскольку ее формирование зависит от внешних и внутренних условий, то значительные изменения этих условий влекут за собой изменения телесности человека. На состоянии телесности отражаются мотивации, установки и, в целом, система смыслов индивидуума, поэтому она хранит обобщенное знание человека и представляет собой материальный, видимый аспект души (психе).

Исследователи отмечают, что органы телесности могут в течение жизни рождаться и отмирать (в соответствии со сменой и жизнью психических структур и функций). Кроме того, они могут пространственно накладываться друг на друга и/или проникать друг в друга. Сравните,

например, рот как телесная основа для поцелуя, речи, питания и как элемент эстетического образа лица и даже имиджа.

В специальной литературе отмечается, что *категория телесности* стала вводиться, с одной стороны, под влиянием культурологии и семиотики, обнаружив, что в разных культурах тело понимается и ощущается по-разному, а с другой стороны, в результате нового понимания таких понятий как «болезнь», «боль», «организм» и др., ибо оказалось, что это не столько естественные состояния тела, сколько присваиваемые (формируемые) и переживаемые человеком культурные и ментальные концепции (см.: Тхостов, 1994; 2002). Полученные в результате исследований данные убедительно доказывают необходимость развести понятия тела и телесности, связав с последней процессы, понимаемые в культурно-семиотическом и психотехническом ракурсе. Телесность – это новообразование, конституированное поведением, то, без чего это поведение не могло бы состояться, это реализация определенной культурной и семиотической схемы (концепта), наконец, это именно телесность, т.е. модус тела.

В психофункциональном плане телесность, так же, как и тело, призвана выполнять охранительную и поддерживающую функции в адаптационных процессах, и в этом – ее первое назначение. Другая функциональная специфика телесности связана с уровнем ее развития или диапазоном телесности, который позволяет человеку в той или иной степени «резонировать» с миром (осуществлять своего рода подстройку) и совершенствоваться духовно. И, наконец, разъединительная функция телесности призвана обеспечить разъединения души и тела в момент смерти.

Телесность как комплексный системный феномен, сопряженный с конструктивными особенностями и единицами тела, членится на определенные конститутивные единицы. Примечательно, что у человека могут складываться (рождаться, жить и отмирать) и более крупные единицы телесности, сопряженные с телом, например: «тело любви», «тело мышления», «тело общения», «эмоциональное тело», «тело летчика», «тело композитора», «тело каратиста», «тело танцора» и т.д. В этом смысле, как отмечает М. Генкова, уже не кажутся необычными и «неправдоподобными» сочетания, как «ментальное тело», «эфирное тело», «астральное тело».

Подводя итог рассмотрению дихотомии «тело – телесность», можно отметить то общее, что выделяют исследователи, а именно:

- *телесность* является особым «продуктом» взаимодействия тела и духа;

- *телесность* представляет собой уникальные системы соответствий индивидов, пронизанные уникальными ассоциациями и смыслами, которые выражаются в едином, наблюдаемом и переживаемом, «продукте», т.е. «телесности», которая у человека не тождественна телу (соме-биологическому организму), его свойствам и качествам;

- *телесность* – качество, сила и знак телесных реакций человека, формирующихся с момента зачатия в процессе всей жизни и она не является продуктом одного лишь тела;

- являясь реальностью, *телесность* представляет собой результат деятельности триединой природы человека и в этом плане телесность есть «дочерний» (производный) феномен: это, по М. Генковой, объективно наблюдаемое и субъективно переживаемое выражение и свидетельство вектора («плюса» или «минуса») совокупной энергии индивида;

- *телесность* образуется в контексте генотипа, половой принадлежности и уникальных биопсихических особенностей индивидуума в процессе его адаптации и самореализации; основой формирования телесности является единая память;

- *телесность* проявляется как процесс в форме тела через характерные движения, позы, осанку, дыхание, ритмы, темпы, температуру, «протекаемость», запах и звучание.

- *телесность* представляет собой видимую и переживаемую часть души; она (*телесность*) формируется с момента зачатия и до смерти;

- механизмы образования и «состав» конститутивных единиц *телесности* достаточно сложны;

- *телесность* (в целом и в частностях, т.е. в ее единицах) выражает систему смыслов человека, в основе которой лежит кардинальное отношение к дихотомии «жизнь – смерть»;

- все составляющие части (конститутивные единицы) телесности конгруэнтны (соответствуют) друг другу и проникают («прорастают») друг в друга;

- *телесность* – это новообразование, конституированное поведением, она является тем, без чего это поведение не могло бы состояться, являясь реализацией определенной культурной и семиотической схемы (концепта);

- именно *телесность* суть модус тела.

Разграничивая телесность и тело, необходимо отметить, что в рассуждениях о теле собеседники имеют в виду либо естественно-научный взгляд, т.е. рассматривают тело как биологический и физиологический организм, либо эстетический, либо практический, когда собеседники опираются на обыденное понимание тела. В психологии однако рассматривается не само тело, а определенные изменения сознания, связанного с телом, например нарушение схемы, границ или ощущений тела.

3. Габитус (*хабитус; хабитата*)

Габитус как понятие корпорального бытия в философской европейской традиции опирается на лат. *habitus* в значении «свойство», «состояние» и нем. *Habitus* со значением «общее представление о личности исходя из его облика и поведения». Однако в психологии это понятие получило трактовку *хабитуализации* в значении «усвоение и привыкание к чему-то, превращение этого чего-то в составную часть своего облика».

Очевидно, что данное понятие имеет несколько иное значение за пределами феноменологической традиции (ср.: Бурдье, 1995).

Всякая человеческая деятельность, как отмечают П. Бергман и Т. Лукманн (1995), подвергается хаби́туализации (т.е. опривычиванию), и при этом любое действие, которое часто повторяется, становится образцом (ср. с понятием практики у М. Фуко и П.Бурдье), впоследствии оно может быть воспроизведено с экономией усилий и *ipso facto* осознано как образец его исполнителем. Кроме того, хаби́туализация означает, что рассматриваемое действие может быть снова совершено в будущем тем же самым образом и с тем же практическим усилием (т.е., оно может обладать как динамическими, так и статическими свойствами по образцу фреймовой организации или фрейма – А.Р.). Это касается деятельности как в социальной сфере, так и вне ее.

Согласно французскому социологу Пьеру Бурдье вся человеческая жизнь есть совокупность определенных практик, подобно тому как и Л. Витгенштейна человек постоянно занят тем, что осуществляет различные языковые игры. Парламентские выборы, церковные службы, финансовые операции – это все практики, осуществляемые сообразно санкционированным в обществе правилам и условиям. Для описания практик и правил их осуществления и порождения П. Бурдье прибегает к концепции игры и вводит понятие *габитуса* как техники владения телом, позволяющее описать способ поведения человека, осуществляющего социальную практику. Габитус позволяет человеку находить правильный «ход в игре», иначе говоря, действовать согласно правилу, реализовывать «чувство игры», ибо хороший игрок делает каждый раз то, что требуется игрой. Именно техника владения телом обуславливает правильное участие в игре, когда требуемый ход делается без размышлений, взвешивания альтернатив, осмысления конструкций. Такой ход «как бы вписан в тело» участника игры (Гутнер, 2008: 107). Данные свойства габитуса *а)* диктуют определенную стратегию поведения и поступки участника социальной игры и *б)* предоставляют свободу в осуществлении социальной практики.

В своей статье «Le Mort Saisit le Vif» («Мертвое схватывает живое»), опубликованной в «Actes de la Recherche en Sciences Sociales» (1980, № 32-33), Пьер Бурдье предлагает рассматривать историю (как протяженную субстанцию, по Лейбницу) в двух состояниях, а именно:

- первая история как объективированная история, аккумулированная в вещах, машинах, памятниках, книгах, теориях; это история, отложившаяся в кодифицированных ритуалах, оформленная в дискурсе и поэтому потерявшая чары своей спонтанности, история, застывшая в *легитимных, символических структурах – хабитатах*, и

- вторая история как инкорпорированная история, «вошедшая» в тела и действующая через них, через *хабитусы агентов*. В обыденном доксихическом отношении история-субъект открывается в историю-объект, между ними есть онтологическое, непосредственное со-участие и история встречает саму себя (см.: Генкова, 2000).

При этом, как отмечает Пьер Бурдьё, агенты никогда не знают до конца то, что делают, а то, что они делают, имеет больше смысла, чем они знают. (Bourdieu, 1980: 69). Получается, что «действие» агента доминантно по отношению к его знаниям, так как «действие» сопряжено с определенной диспозицией и базируется, по-преимуществу, на практиках как единицах дискурса телесности или корпорального дискурса.

Здесь в качестве терминологического разъяснения необходимо заметить, что сторонками телесного подхода (направления, интенсивно развиваемого с конца 80-х – начала 90-х годов в когнитивной науке междисциплинарного направления научных исследований, охватывающего все те научные дисциплины, которые изучают человеческое сознание и его нейрофизиологическую основу – мозг – во всех их проявлениях и использующего исследовательские результаты и данные эволюционной биологии, нейрофизиологии, психологии, в первую очередь когнитивной психологии и генетической психологии (психологии развития Ж. Пиаже), психоанализа и психотерапии, философии, прежде всего эволюционной эпистемологии, лингвистики и нейролингвистики, информатики (то, что известно на Западе как *computer science*), робототехники) широко используется термин «когнитивный агент», а не «субъект познания» – термин, принятый в философии, потому что в термине «когнитивный агент» (английское *agent* происходит от лат. *agitare*, которое означает «приводить в движение, двигаться») усматривается деятельностный характер познающего субъекта, осуществление им познания через двигательную активность (см.: Князева, Турбов, 2002).

Из этого следует, что **хабитус** (габитус) – явление динамичное и в целом представляет собой *систему диспозиций* (своего рода «поле», в понимании П. Бурдьё) относительно практики (как разновидности деятельности, единицы действия), которые делают возможным адекватное, «разумное» (т.е. наиболее соответствующее замыслам и установкам) действие субъекта в мире. В этом плане габитус теснейшим образом связан с качествами «размытого» и «смутного» знака – если только он не привязан к конкретной диспозиции (позы, например), которая маркируется практикой – и порождает спонтанность в рамках имеющейся или возможной системы диспозиций. Именно благодаря такой системе габитус связан с той частицей недетерминированности и открытости (т.е. внешним обликом, телосложением), которая позволяет социальные импровизации со стороны агента в пределах поля.

В свою очередь детерминации связаны с особым классом условий существования и производят **габитусы** – **системы устойчивых и переносимых диспозиций**, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как *структурирующие структуры*, т.е. как *принципы, порождающие и организующие практики и представления*, которые, хотя и могут быть объективно адаптированными к их цели, однако не предполагают осознанную направленность на нее и непременно овладение необходимыми операциями по ее достижению. Объективно

«следующие правила» и «упорядоченные», они в то же время ни в коей мере *не* являются продуктом подчинения правилам и, следовательно, будучи коллективно оркестрованными, не являются продуктом организующего действия дирижера оркестра.

Габитус как приобретенная *система порождающих схем* делает возможным свободное продуцирование любых мыслей, восприятий и действий, вписанных в границы, свойственные особым условиям производства данного габитуса и только им. **Структура**, *продуктом которой является габитус, управляет практикой*, но не механистически-детерминистским путем, а, по мнению П. Бурдьё, через принуждения и ограничения, изначально определенные его находчивостью. Учитывая бесконечную, но вместе с тем строго ограниченную порождающую способность габитуса, нетрудно представить, что он стремится преодолеть обычные противоположности, в которые обычно замкнуты агенты: детерминизм и свобода, предустановленность и творчество, сознание и бессознательное, индивид и общество. **Поскольку габитус есть бесконечная способность свободно (но под контролем) породить мысли, восприятия, выражения чувств, действия**, а продукты габитуса всегда лимитированы историческими и социальными условиями его собственного формирования, **то** *даваемая им свобода обусловлена и условна*, она не допускает ни создания чего-либо невиданно нового, ни простого механического воспроизводства изначально заданного.

По словам Пьера Бурдьё, для практики стимулы не существуют как объективная истина *условных и обусловленных* пусковых устройств, а действуют только при условии их встречи с агентами, способными их *узнавать*. Практический мир, который конституируется в отношении с *габитусом как системой когнитивных и мотивирующих структур*, есть мир уже достигнутых целей, способов применения или рынков, которым нужно следовать, и объектов, средств или институтов, поскольку закономерности, присущие произвольному состоянию (в смысле Соссюра или Мосса), стремятся проявляться как необходимые и даже природные уже в силу того, что они лежат в основании схем перцепции и оценивания, с помощью которых они воспринимаются (Бурдьё, 1995; 2001).

П. Бурдьё полагает, что поскольку генезис системы произведений или практик, порожденных одним габитусом (или гомологичными габитусами, теми, что составляют единство стиля жизни одной группы или одного класса), не может быть описан ни как автономное развитие единой и всегда самотождественной сущности, ни как протяженное созидание нового, то это потому, что он **осуществляется в и через конфронтацию** – *одновременно необходимую и непредсказуемую* – *габитуса и события*, которое может оказать на габитус должное побуждающее воздействие только тогда, когда вырывает его из случайных обстоятельств и делает из этого *проблему*, предлагая также и принципы ее решения. Габитус как *искусство изобретения* есть то, что позволяет производить бесконечно большое число практик, к тому же относительно непредсказуемых (как и соответствующие

ситуации) и вместе с тем ограниченных в своем разнообразии. Поэтому, будучи продуктом определенного класса объективных закономерностей, *габитус стремится породить «разумные» способы поведения, идущие от «здорового смысла», допустимые в рамках этих и только этих закономерностей, которые к тому же имеют все возможности быть позитивно санкционированными, в силу своей объективной приспособленности к логике, характерной для данного конкретного поля, объективное будущее которого они предвосхищают. В то же время габитус «сугубо добровольно» стремится исключить любые «безумства» («это не для нас»), т. е. поведение, обреченное на неодобрительную оценку в силу его несовместимости с объективными условиями.*

В концепции П. Бурдьё практики стремятся воспроизвести закономерности, присущие условиям, в которых было сформировано их порождающее начало, но при этом соотносятся с требованиями, содержащимися как объективная возможность в ситуации, которая определяется когнитивными и мотивирующими структурами, входящими в состав габитуса. В силу этого нельзя выводить практики ни из имеющихся в настоящее время условий, которые, как может показаться, порождают данные практики, ни из прошлых условий, которые произвели габитус – устойчивый принцип их производства. Следовательно, *понять, что есть габитус, можно только при условии соотнесения социальных условий, в которых он формировался (производя при этом условия своего формирования), с социальными условиями, в которых он был «приведен в действие».* Иными словами, необходимо провести исследовательскую работу по установлению связи между двумя состояниями социального мира, которые реализуются габитусом, устанавливающим эту связь посредством практики и в практике. «Бессознательное», позволяющее экономить на таком установлении связи, в действительности есть не что иное, как историческое забывание, произведенное самой историей при осуществлении объективных структур, которые она порождает в своих «квази-натурах» – габитусах. В этом качестве инкорпорированной истории, ставшей натурой и тем самым забытой как таковая, габитус есть деятельное присутствие всего прошлого, продуктом которого он является, – следовательно, он есть то, что придает практикам их *относительную независимость* по отношению к внешним детерминациям непосредственного настоящего.

Являясь продуктом истории, *габитус производит практики, как индивидуальные, так и коллективные*, а, следовательно, он производит саму историю в соответствии со схемами, порожденными историей. *Он* обеспечивает активное присутствие прошлого опыта, который, *существуя* в каждом *организме в форме схем восприятия, мышления и действия*, более верным способом, чем все формальные правила и все явным образом сформулированные нормы, дает гарантию тождества и постоянства практик во времени: в прошлом, настоящем и будущем (А.Р.: здесь уместно отметить, что, употребляя в данной трактовке слово «организм», П. Бурдьё просто подчеркивает, что *габитус может быть не только индивидуальным, но и*

групповым, коллективным, классовым... Таким образом, «организм» для Пьера Бурдьё здесь и дальше – это социальная единица, социальное тело).

Такая *система диспозиций* – прошлое, проникающее в настоящее и стремящееся продолжаться в будущем, актуализируясь в практиках, структурированных в соответствии с его принципами, и внутренний закон, через который непрерывно осуществляется закон внешней необходимости, несводимой к непосредственному, ситуативному принуждению, – есть основание преемственности и упорядоченности, которые объективизм, сам того не подозревая, приписывает социальным практикам, а также основание регулярных трансформаций, в которых не отдают себе отчета ни поверхностный и растворенный в механическом социологизме детерминизм, ни чисто внутренний, но столь же частичный, стихийный субъективизм. *Интертериоризация внешнего* позволяет избежать альтернативы между силами, связанными с прошлым состоянием системы, *внешними* по отношению к телам, и *внутренними* (возникшими в данный момент мотивами, сиюминутными решениями и т.п.). Она дает возможность внешним силам реализоваться в соответствии со специфической логикой организмов, в которых они инкорпорированы, т.е. устойчивым, систематическим и не механическим образом (Бурдьё, 1983; 1995; 2001; Bourdieu, 1979; 1980: 69).

Однако реакции габитуса, по П. Бурдьё, определяются, прежде всего, отсутствием расчета в отношении *объективных возможностей*, непосредственно вписанных в настоящее (что нужно делать или говорить, чего говорить и делать нельзя), расчета в отношении возможного будущего, которое, в отличие от будущего как «абсолютной вероятности» (*absolute Möglichkeit*) в смысле Гегеля или Сартра, спроектированного чистым проектом «отрицательной свободы», предлагает себя с необходимостью и претензией на существование, исключаяющей размышление.

Примечательно, что представители разных направлений исследования человеческого знания единодушно отмечают, что *габитус* (*внешний облик, телосложение*) человека (агента) не в последнюю очередь характеризуется физическими, социальными и психологическими чертами, между которыми существует тесная связь (Василевич, Кузнецова, 1999), реализующаяся в *габитусе* как целом понятии, как *построенной конструкции*. Названные черты репрезентируются соответствующими практиками, реализации которых осуществима в пределах совокупности таких практик в объеме понятия названного выше «поля».

Поля, в понимании П. Бурдьё, есть более или менее *автономные сферы деятельности*, обладающие специфической внутренней логикой. Поля иерархически организованы, то есть существуют более общие, глобальные поля, охватывающие всю социальную реальность – таковы, прежде всего, поля экономической и политической власти, – и частные поля (а внутри них и субполя) – религии, образования, искусства, спорта, философии, науки и т. п. *Поле состоит из взаимоотношеных позиций*, объективно существующих возможностей проявиться – ролей (А.Р. –

ролевых проявлений, ролевых позиций) или «ниш в борьбе за разыгрываемые в данном поле призы» (Гронас, 2000: 9).

Так, *поле профессионала* или, точнее, *габитус профессионала*, заведомо приспособленный к требованиям поля (например, к действующим определениям легитимной проблематики), будет функционировать как инструмент перевода или трансформации. Такого рода *систематическая трансформация* некоторых проблем и тем *не является результатом сознательного поиска* (рассчитанного и циничного), *но есть автоматический эффект самого факта принадлежности к полю и освоения специальной истории*, которые она (трансформация) предполагает.

Поэтому, например, *габитус филолога* (т.е. как профессионала) есть вместе с тем некое «ремесло», набор техник и ориентиров, совокупность «верований» (например, привычка придавать заметкам такое же значение, как и текстам). Это еще и свойства, связанные с историей дисциплины (национальной и мировой), с ее позицией (промежуточной) в иерархии дисциплин. *Данные свойства одновременно являются и условием функционирования поля и продуктом его функционирования*, однако не полностью: поле может довольствоваться одобрением и освящением определенного типа габитуса, более или менее полно сформированного помимо него.

Аналогично, *быть философом* – значит овладеть тем, чем необходимо овладеть из истории философии, чтобы уметь вести себя как философ в поле философии. Вот почему *габитус* представляет собой *систему диспозиций* (А.Р. – некую совокупность положений телесной схемы или базовой схемы телесности, функционирующий в определенном предназначении и положении, в определенной конфигурации), приобретаемых в процессе имплицитного или эксплицитного обучения, которая функционирует как *система производящих схем* (конструкций) и которая является генератором стратегий, способных «объективно соответствовать объективным интересам их авторов, при этом не являясь специально для этого предназначенными» (Бурдьё, 1983; 1995; 2001; Bourdieu, 1979; 1980: 69). Здесь важно иметь в виду, что *стратегии*, о которых говорится, *являются действиями, объективно ориентированными на некоторые цели, которые могут и не выступать как субъективно осознанные*.

П. Бурдьё подчеркивает, что достаточно лишь позволить своему габитусу подчиняться имманентной необходимости поля и удовлетворять вписанным в него (поле) требованиям (что в любом поле составляет определение совершенства), то *агенты* (субъекты) *абсолютно не осознают, что* подчиняются каким-то обязательствам и еще менее того, что они стремятся к максимизации прибыли (специфической) от ролевых проявлений. Таким образом, они (агенты, субъекты) получают дополнительную выгоду воспринимать себя и быть воспринимаемыми как совершенно незаинтересованные.

Однако чтобы определить отношения между *классовым габитусом* (как представителем класса или типа) и *индивидуальным габитусом*

(неотделимым от органической индивидуальности, непосредственно данной непосредственному восприятию – *intuitus personae*, социально обозначенной и признанной под видом имени собственного, юридического лица и т. п.), необходимо, по мнению Пьера Бурдьё (1995; 2001), рассмотреть как *классовый* (групповой, или, как сказали бы мы, типовой, т.е. типичный для этого класса) *габитус* и *индивидуальный габитус*, поскольку **первый** выражает и отражает класс или группу как субъективную но не индивидуальную – систему интериоризованных структур, общих схем восприятия, представления и действия, которые составляют условие всякой объективации и всякой апперцепции, и создает объективную регуляцию практик и целостность мировоззрения на основе известной обезличенности и заменяемости единичных практик и воззрений. Но это приводит к мысли, что все практики или представления, произведенные идентичными схемами, являются обезличенными и взаимозаменяемыми, подобно единичным постижениям (интуициям) пространства, которые, – по мысли Канта – не выражают ни одной особенности эмпирического «Я».

Действительно, *отношение гомологии, т.е. разнообразия в сходстве*, отражает разнообразие в сходстве социальных условий их формирования, что *объединяет единичные габитусы различных членов одного класса*. Поэтому **любая индивидуальная система диспозиций есть один из структурных вариантов других**, где выражается единичность позиции внутри класса и единичность траектории. В этой связи Пьер Бурдьё отмечает: «*Личный*» стиль, та своеобразная марка, которую имеют все продукты одного габитуса, практики или произведения, всегда представляет собой только **отклонение от стиля** определенного времени или класса, и поэтому он соотносится с общим стилем не только в силу конформизма (как, например, Фидий, который, согласно Гегелю, не имел своей «манеры»), но еще и в силу отличия, составляющего «манеру» как таковую (Бурдьё, 1995).

Принцип дифференциации индивидуальных габитусов заключается в единичности социальных траекторий, с которыми соотносятся ряды (серии) детерминаций, упорядоченных хронологически и не сводимых одни к другим. *Габитус ежемоментно структурирует* (А.Р. – т.е. формирует, создает, конструирует) – в зависимости от структур, произведенных предшествующим опытом, – **новый опыт**, преобразующий первоначальные структуры в границах, определенных их избирательной силой, и осуществляет единую интеграцию опытов статистически общих для всех членов одного класса, однако эта интеграция подчинена первому опыту. На самом деле, полагает П. Бурдьё (1995; см. также 2001), особая значимость первоначального опыта в основном является следствием того, что габитус стремится обеспечить собственное постоянство и защититься от изменений с помощью отбора, совершаемого им в потоке новой информации. Так, при появлении случайной или принудительной информации он отбрасывает ту, которая способна вызвать сомнения в усвоенной ранее, и, в частности, создает неблагоприятные условия для появления такого рода информации. Можно, например, считать заключение гомогамных (равных) браков

парадигмой всякого «выбора»: габитус здесь стремится потворствовать опыту, способному укрепить его: на это так же указывает и тот эмпирически зафиксированный факт, что о политике стараются говорить с теми, кто придерживается того же мнения.

Через систематически совершаемый выбор мест, событий, людей, которых можно *«посещать»*, габитус стремится укрыться от критики и критического пересмотра, обеспечивая себе среду, к которой он лучше всего приспособлен, т. е. *относительно стабильный универсум ситуаций, способных укрепить его диспозиции*, предлагающий наиболее благоприятный рынок для его продуктов. И здесь снова в наиболее парадоксальном свойстве габитуса – *невыбираемом принципе всякого «выбора»* – кроется, по П. Бурдьё, разрешение парадокса об информации, необходимой, чтобы уйти от информации: *схемы восприятия и оценивания, характерные для габитуса, есть основание всех стратегий избегания; они являются*, главным образом, *результатом неосознанного, непреднамеренного избегания*. Это может автоматически вытекать из условий существования (как видно на примере пространственной сегрегации) или быть результатом стратегического намерения (когда избегают ходить в «неподобающие места» или читать «плохую литературу»), но ответственность всегда лежит на самих взрослых, сформированных в одинаковых условиях. В качестве порождающего принципа, сформировавшегося из упорядоченной импровизации, габитус, практическое чувство, совершает реактивацию смысла, объективированного в институтах. *Габитус формируется работой по внушению и присвоению*, необходимой для того, чтобы эти продукты коллективной истории, являющиеся также объективными структурами, *смогли воспроизвестись в форме устойчивых и отрегулированных диспозиций – условий своего функционирования* (Бурдьё, 1995; 2001; Bourdieu, 1979).

С точки зрения конструктивистской парадигмы (К. Дж. Джерджен, Ф. Варела, У. Матурана, В.А. Подорога, Е. Режабек, А.А. Романов, А.Ш. Тхостов, М. Фуко), теория практики, взятая как практика (А.Р. – в виде единичного реального действия), с одной стороны, в противовес позитивистскому материализму, напоминает, что *предметы познания должны быть сконструированы*, а не просто пассивным образом зарегистрированы, а с другой, – в отличие от интеллектуалистского идеализма – что *принципом такого построения является система структурированных и структурирующих диспозиций*, формирующихся в практике и постоянно направленных на практические функции.

Однако, и об этом предостерегает П. Бурдьё, желательно избегать *реализма структуры*, к которому неизбежно приводит объективизм – необходимый момент разрыва с первичным опытом и построением объективных связей, – когда он гипостазировывает эти связи, рассматривая их как уже установленные реалии вне индивидуальной или групповой истории, но вместе с тем нужно стараться не впасть и в субъективизм, не способный учитывать нужды социального мира. Для этого следует вернуться к практике – диалектическому месту *opus operatum* и *modus operandi* –

объективированным и инкорпорированным продуктам практической истории, структурам и габитусам (Бурдьё, 1995; 2001; Bourdieu, 1979).

Не следует, однако, забывать, что в упрощенной форме объективизм трактует социальный мир как спектакль, предлагаемый наблюдателю, стоящему на некоей «точке зрения» в отношении действия. Внося в предмет принципы собственного отношения к нему, этот наблюдатель ведет себя так, словно его единственным предназначением является познание, а все его взаимодействия сводятся к символическим обменам. Такая точка зрения свойственна тому, кто занимает достаточно высокую позицию в социальной структуре, откуда социальный мир видится как представление (не только в смысле идеалистической философии, но и в смысле живописи или театра), а практики – только как театральные роли, исполнение партий или реализация планов (ср.: Дж. Хэгман).

Конечно, отмечает Пьер Бурдьё, можно занять и иную точку зрения, исходя из которой «объективистский идеализм упорядочивает мир путем сведения познания к регистрации, но не обязательно при этом покидать *деятельностный аспект* мировосприятия. Для этого достаточно поместить себя в «реальную деятельность как таковую», т. е. в практическое отношение с миром. Такое вот предзанятое (пред-озабоченное – *pre-occuree*) – и вместе с тем *деятельное присутствие в мире*, где мир навязывает себя (своими неотложными делами, тем, что необходимо сделать или сказать, что делается для того, чтобы об этом было сказано) и непосредственно диктует жесты или слова, но никогда не разворачивается как спектакль» (Bourdieu, 1979; Bourdieu, 1980).

Итак, габитус как конструктивный феномен являет собой систему структурированных и структурирующих диспозиций, т.е. как **систему форм коммуникативной деятельности** агента (субъекта), которые (диспозиции, формы, многократно воспроизводимый образец как нечто единичное, имеющее пространственно-временную локализацию) формируются в его практической деятельности **в виде типовых форм поведения** и постоянно направлены на реализацию практических функций. Габитус диспозиционно (кон-фигурационно, манифестационно) представлен внешним обликом, телосложением человека (агента), и, не в последнюю очередь, характеризуется физическими, социальными и психологическими чертами, между которыми существует тесная связь, реализующаяся в *габитусе* как целом понятии, как *построенной конструкции*. Названные черты репрезентируются соответствующими практиками, реализации которых осуществима в пределах совокупности таких практик в объеме «поля», которое есть более или менее *автономные сферы деятельности*, обладающие специфической внутренней логикой. Поля иерархически организованы, то есть существуют *более общие, глобальные* поля, охватывающие всю социальную реальность, например, поля экономической и политической власти, и *частные поля* (а внутри них и субполя), например, поля религии, образования, искусства, спорта, философии, науки и т. п. Поле состоит из взаимоотношенных позиций, объективно существующих

возможностей проявиться в виде набора ролей, ролевых проявлений, ролевых позиций. Являясь продуктом истории, **габитус** производит практики, как индивидуальные, так и коллективные, а, следовательно, он производит саму историю в соответствии со схемами поведения и взаимодействия, порожденными историей. Он обеспечивает активное присутствие прошлого опыта, который, существует в каждом организме в форме схем восприятия, мышления и действия.

Таким образом, очевидно, что в современных условиях роста интереса к различного рода проявлениям поведения человека и интерпретации (семантического описания) явлений «языка тела» в его комплексном (тело – телесность – габитус) виде запросы практики к исследователям в области невербальной коммуникации являются как никогда высокими.

Литература

Бергман П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «Медиум», 1995. – 323 с.

Бродецкий А.Я. Внеречевое общение в жизни и искусстве: Азбука молчания. – М., 2000.

Бурдьё П. Рынок символической продукции // Вопросы социологии. – 1992, № 1/2. – С. 49-62.

Бурдьё П. Структуры, Habitus, Практики // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Уч. пособие. – Новосибирск, 1995.

Бурдьё П. Практический смысл: Пер. с фр. / П. Бурдьё; Общ. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. – СПб., М., 2001.

Василевич А.П. Кузнецов С.Н. Цвет, мода и фигура человека // Экспериментальные исследования речи. – М., 1999.

Волконский С.М. Выразительный человек. Сценическое воспитание жеста (по Дельсартру). – СПб., 1913.

Генкова М. Тело и практическая логика: хабитус и хабитат (мысленный эксперимент по методике Пьера Бурдьё) // Критика и семиотика. – 2000, Вып. 1-2. – С. 60-69.

Гутнер Г.Б. Следование правилу и габитус в описании коммуникативной деятельности // Вопросы философии. – 2008, № 2. – С. 105-116.

Джерджен К.Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика. – Минск, 2003.

Князева Е., Туробов А. Познающее тело: Новые подходы в эпистемологии // Новый мир. – 2002. – № 11. – С. 136-154.

Лабунская В.А. Психология экспрессивного поведения. – М., 1989.

Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект. – М., 1995. – С. 143-184.

Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. – М., 1995. – С. 95-142.

Матурана У., Варела Ф. Древо познания. Биологические корни человеческого понимания. – М., 2001.

- Мерло-Понти М. В защиту философии. Пер. с франц. – М., 1996.
- Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. – СПб., 1999.
- Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. – 2008, № 6. – С. 61-75.
- Подорога В.А. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. – М., 1995.
- Романов А.А. Координаты визуальной коммуникации в психосемиотическом аспекте // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология», вып. 1. – 2004 № 2 (4). – С. 122-125.
- Романов А.А., Романова Л.А. и др. Соматическая специфика языковой конфликтной личности // Гуманитарные проблемы миграции: социально-правовые аспекты адаптации соотечественников в Тюменской области. Материалы 2-й международной научно-практической конференции. Часть 1. – Тюмень, 2006. – С. 77-81.
- Романов А.А., Немец Н.Г., Романова Л.А. Когнитивная основа психотерапевтической коммуникации: синергетический подход // Актуальные проблемы психологии труда. Том 3. – Тверь, 2006. – С. 57-63.
- Романов А.А., Сорокин Ю.А. Соматикон: Аспекты невербальной семиотики. – М., 2004.
- Тхостов А.Ш. Топология субъекта (опыт феноменологического исследования) // Вестник МГУ. Сер. 14. – 1994, № 2. – С. 3-13.
- Тхостов А.Ш. Психология телесности. – М., 2002.
- Уилбер К. «Интегральные идеи – в практическую жизнь!». Интервью с пионером интегрального сознания Кеном Уилбером // Вопросы философии, 2005, № 11. – С. 73-89.
- Харре Р. Конструкционизм и основания знания // Вопросы философии. – 2006, № 11. – С. 94-103.
- Черчланд П.С. Важна ли нейронаука для философии? // Вопросы философии. – 2008, № 5. – С. 79-86.
- Bourdieu P. Le Sens pratique. – Paris: Minuit, 1979.
- Bourdieu P. Le Mort Saisit le Vif // Actes de la Recherche en Sciences Sociales. – 1980, № 32-33.
- Csordas T. Embodiment as a Paradigm for Anthropology // Ethos. – 1988, № 18. – P. 5-47.
- Csordas T. Somatic Modes of Attention // Cultural Anthropology. – 1993, vol. 8, № 2. – P. 135-156.
- Varela F.J. Principles of Biological Autonomy. – New York, 1979.
- Varela F.J. Patterns of Life: Intertwining Identity and Cognition // Brain and Cognition. Vol. 34, 1997. – P. 72-80.

References

- Bergman, P., Lukman T. Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge. - M: Medium, 1995. - 323 p.
- Brodetsky Y.A. Nonverbal fellowship in art and life: the ABC of silence. - M, 2000.

Bourdieu P. the Market symbolic production // Questions of sociology. - 1983, № 1/2. - p. 49-62.

Bourdieu P. Patterns, Habitus, Practice // the Modern social theory: Bourdieu, Giddens, Habermas. Uch. manual. - Novosibirsk, 1995.

Bourdieu P. Practical sense: Per. with FR. / P. Bourdieu; Ls. amended AC and afterw. N.A. Shmatko. - SPb., M, 2001.

Vasilevich A.P. Kuznetsov S.N. Color, fashion and the man // Experimental studies of speech. - M, 1999.

S.M. Volkonsky Expressive people. Stage education gesture (Delsartre). - SPb., 1913.

Genkova M. Body and practical logic: хабитус and habitat (thought experiment methodology Pierre Bourdieu) // Criticism and semiotics. - 2000, Vol. 1-2. - C. 60-69.

Gutner G.B. Adherence to the rule, and habitus in the description of communicative activity // Questions of philosophy. - 2008, № 2. - C. 105-116.

Gergen K.J. Social constructionism: knowledge and practice. - Minsk, 2003.

Kniazeva E., Тубобов А. The cognitive body: New approaches to epistemology // New world. - 2002. - № 11. - p. 136-154.

Labunskaya V.A. Psychology of expressive behavior. - M, 1989.

Lakoff J.. Cognitive semantics // Language and intellect. - M, 1995. - C. 143-184.

Maturana U. Biology of cognition // Language and intellect. - M, 1995. - C. 95-142.

Maturana U., Varela, F. Tree of knowledge. The biological roots of human understanding. - M, 2001.

Merleau-Ponty Meters protection philosophy. Lane. with Franz. - M, 1996.

Merleau-Ponty M Phenomenology of perception. - SPb., 1999.

Nazarchuk A.V. Network society and its philosophical understanding of philosophy. - 2008, № 6. - C. 61-75.

V.A. Podoroga Phenomenology of the body. Introduction to the philosophical anthropology. - M, 1995.

Romanov A.A. Coordinates of visual communication in психосемиотическом aspect // Vestnik of Tver state University. Series «Philology», vol. 1. - 2004 № 2 (4). - C. 122-125.

Romanov A.A. Romanova, L.A. and other Somatic the specifics of the language conflict of personality // Humanitarian problems of migration: socio-legal aspects of adaptation of the compatriots in the Tyumen region. Materials of the 2nd international scientific and practical conference. Part 1. - Tyumen, 2006. - p. 77-81.

Romanov A.A., German N. Romanova, L.A. Cognitive basis of psychotherapeutic communication: a synergetic approach // Actual problems of psychology of labor. Vol. 3. - Tver, 2006. - p. 57-63.

Romanov A.A. Sorokin, Y.A. Somatikon: Aspects of nonverbal semiotics. - M, 2004.

Тхостов А. § Topology subject (experience of phenomenological research) // Vestnik MGU. Ser. 14. - 1994, № 2. - p. 3-13.

Тхостов А. § Psychology of physicality. - М, 2002.

К. Wilber «Integral ideas to practical life!». Interview with the pioneer of integral consciousness Ken Wilber // Questions of philosophy, 2005, № 11. - P.73-89.

Harry R. Constructionism and the Foundation of the knowledge of philosophy. - 2006, № 11. - С. 94-103.

Черчланд P.S. Important whether neuroscience for philosophy? // Questions of philosophy. - 2008, № 5. - С. 79-86.

Bourdieu P. Le Sens pratique. - Paris: Minuit, 1979.

Bourdieu P. Le Mort Saisit le Vif // Actes de la Recherche en Sciences Sociales. - 1980, № 32-33.

Csordas T. Embodiment as a Paradigm for Anthropology // Ethos. - 1988, № 18. - R. 5-47.

Csordas T. Somatic Modes of Attention // Cultural Anthropology. - 1993, vol. 8, № 2. - R. 135-156.

Varela F.J. Principles of Biological Autonomy. - New York, 1979.

Varela F.J. Patterns of Life: Intertwining Identity and Cognition // Brain and Cognition. Vol. 34, 1997. - P. 72-80.

Из книги: **Романов А.А. ВЕРБО- И ПСИХОСОМАТИКА ТЕЛЕСНОГО БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА** // Романов А. А., Сорокин Ю. А. Вербо- и психосоматика: две карты человеческого тела: монография. – М.: ИЯ РАН – Тверь: АГРОСФЕРА ТГСХА, 2008. – С. 17-56.

From the book: **Romanov A.A. VERBAL - AND PSYCHOSOMATICS CORPOREAL BEING HUMAN** // Romanov A. A. Sorokin, Yu. A. Verbal - and psychosomatics: two cards of the human body: monograph. - M: IA RAS - Tver: AGROSFERA TGSKhA, 2008. - p. 17-56.

(1,5 п.л.)